

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.30>

Григорьева Наталия Евгеньевна

МИКРОЭТНОНИМЫ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Статья посвящена проблеме микроэтнонимов в диалектной лексико-семантической системе. На основе изучения псковских говоров установлен состав тематических групп микроэтнонимов. Проанализированы семантико-деривационные особенности микроэтнонимов, определены принципы тождества в системной организации этнонимов, выявленных в псковской диалектной речи. Значительное внимание уделяется фактору влияния пограничного положения псковского региона и культурно-исторических связей микроэтносов в сфере материальной и духовной жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/9/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 151-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта; Наука, 2010. 328 с.
10. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М.: Академия, 2003. 320 с.
11. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2004. 184 с.
12. Частотный словарь русского языка / ред. Л. Н. Засорина. М.: Русский язык, 1977. 936 с.

FREQUENCY DOMINANTS AND FACTORS WHICH DETERMINE THEM

Bukarenko Svetlana Grigor'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Rostov State University of Economics
buckarenko@rambler.ru

The article is devoted to identifying the basic factors determining the frequency dominants of words. The study contributes to developing a system of word usage preferences, which the native Russian speakers are intuitively guided by to represent meaningful semantic components. It includes the following word groups: words with positive assessment but lacking subjective evaluation, designations of subjective possibilities; words with neutral style and stylistic colouring; words, semantics of which does not include the semes "absence, deprivation of something", different types of quantitative semes and semes of reflexivity. The study is based on the linguistic material acquired from the frequency dictionary of Russian; the comparative analysis method is applied to analyze the frequency of contrastive words.

Key words and phrases: frequency dictionary; frequency dominants; lexicostatistics; importance for native speakers; factors determining frequency; system of preferences; prognostics.

УДК 800.86/87

Дата поступления рукописи: 16.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.30>

Статья посвящена проблеме микроэтнонимов в диалектной лексико-семантической системе. На основе изучения псковских говоров установлен состав тематических групп микроэтнонимов. Проанализированы семантико-деривационные особенности микроэтнонимов, определены принципы тождества в системной организации этнонимов, выявленных в псковской диалектной речи. Значительное внимание уделяется фактору влияния пограничного положения псковского региона и культурно-исторических связей микроэтносов в сфере материальной и духовной жизни.

Ключевые слова и фразы: микроэтноним; тематические группы микроэтнонимов; семантико-деривационные связи микроэтнонимов; псковский микроэтнонимикон; псковские говоры.

Григорьева Наталья Евгеньевна

Псковский государственный университет
etnonim@yandex.ru

МИКРОЭТНОНИМЫ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

В современных исследованиях по ономазиологии, которые анализируют закономерности называния различных социальных групп, дискуссионным остается вопрос о выборе термина для описания коллективных наименований жителей определенной территории.

Современные псковские говоры содержат разнообразный материал об этнических общностях, проживающих не только на Псковской земле, но и на сопредельных территориях, тем самым отражая историко-культурные связи славянских, финно-угорских и балтийских народов и сведения о других народах, трансформированные в народном сознании. Так, в псковских говорах зафиксированы разные типы наименований коллективных сообществ: собственно этнонимы (русские, белорусы, латыши, эстонцы и др.), вторичные этнонимы (азиаты, ангийцы, заокеанцы и др.), микроэтнонимы (ершееды, кувырканцы, мякинники, скобари и др.).

Таким образом, объем понятия «этноним» оказывается шире, чем содержащееся в его внутренней форме указание на принадлежность к определенному этносу как к объединению людей только по национальной принадлежности, поэтому для наименования жителей определенных территорий, упоминания о которых присутствует в псковских говорах, мы будем использовать в качестве основного термина – «микроэтноним».

Актуальность исследования псковского этнонимикона обусловлена исторически сложившейся этнической неоднородностью исконного населения Псковщины. Пограничное положение, уникальные историко-культурные процессы, происходившие на данной территории в прошлом, а также прямые и не прямые контакты этносов, которые соседствуют друг с другом, ведут общий быт и хозяйство, состоят в родственных отношениях – все эти факторы легли в основу формирования этносовета Псковской земли. События новейшей истории усилили признак полиэтничности, внося в лексико-семантическую систему псковских говоров новые единицы и связи. Выявленные этнонимы и микроэтнонимы в псковской диалектной речи еще не являлись объектом специального исследования. Этим и определяется актуальность исследования.

Научная новизна заключается в том, что на основе изучения лексического материала «Псковского областного словаря с историческими данными» [16] и его картотеки [10] (региональный источник представляет собой словарь полного типа, позволяющий выявить весь активный словарный запас псковских говоров) впервые представлен анализ полного состава этнонимов и микроэтнонимов в различных аспектах: историко-культурном, социолингвистическом, семантико-деривационном, а также уточнены и выявлены лексико-грамматические и словообразовательные особенности этнонаименований.

Целью статьи является определение места микроэтнонимов в диалектной лексико-семантической системе псковских говоров. Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**: выявление состава тематических групп микроэтнонимов в псковской диалектной речи, установление признаков сходства и различия микроэтнонимов и этнонимов, функционирующих в псковских говорах, выявление экстралингвистических факторов, влияющих на формирование псковского этнонимикона.

В качестве ведущего используется структурно-тематический принцип, в основе которого лежит выявление групп микроэтнонимов, объединенных общим мотивационным признаком. Такой подход позволяет обозначить общее и специфическое как в псковском этнонимиконе в целом, так и в микроэтнонимиконе, что в конечном итоге раскрывает культурно-исторические особенности псковского региона.

Описание микроэтнонимов традиционно связано с их классификацией. В связи с различными подходами к этнонимической лексике в целом определяются различные параметры, которые кладутся в основу дифференциации микроэтнонимов.

В современной лингвистической науке развиваются разные принципы классифицирования микроэтнонимов: этнографический [7-9], семантический [1-3; 6; 12; 15; 19; 21]. Целью этнографического принципа является попытка показать, как в этнонимических наименованиях проявляются особенности говора, социально-бытовые отношения, обычаи и устои этноса (субэтноса), культура поведения, промысловые традиции, добывание и способ приготовления пищи и т.д.

Основная задача семантического принципа заключается в обосновании важности учета значения, внутренней формы слова для получения этнокультурной информации, контекста, сферы употребления, функционирования в речи, в особенности диалектной. Кроме того, выявление коннотации, исследование отнесенности микроэтнонимов к определенному лексико-грамматическому классу слов, рассмотрение системы семантической деривации и набора словообразовательных формантов, используемых для их образования, являются значимыми составляющими для понимания границ микроэтнонимов в системе этнонимической лексики.

Таким образом, существование и функционирование тематических групп микроэтнонимов обусловлено именно этими признаками, аккумулирующими в себе ценностные ориентации жизни крестьянского общества, характеризуя восприятие «чужого» социума в сопоставлении со «своим», развивая в целом теорию об общепризнанной оппозиционной модели «свое/чужое» [11, с. 114].

Материал псковских говоров позволил сгруппировать микроэтнонимы в ряд **тематических групп**: **географо-ландшафтное положение** (бережчина – ‘жители прибрежных мест’: «Там озеро, там беряжчина живёт, там яны храшо живёт. Гд.» [16, вып. 1, с. 176]; обозеряны – ‘жители побережья Псковского озера и его островов’: «Абазеряны привыкшы рыбу ешь. Печ.» [Там же, вып. 22, с. 282]) (общее количество 15 единиц); **национальная принадлежность** (сету/сето – ‘представители финно-угорской народности, исповедующей православие’: «Такая у нас кучка живёт – сету, ани православныи, а гаварят па-естонски. Печ.» [10]; кураты (эст. *kurat* ‘черт’) – ‘эстонцы’: «Ф Печёрах многа куратоф живё. Гд.» [16, вып. 16, с. 380]; мешанцы – ‘о живущих в одном месте людях разных национальностей и тех, кто рожден от смешанных браков’: «Там [на границе с Латвией] руськии были и латышы, мяшанцы. Кр.» [Там же, вып. 28, с. 205]) (общее количество 10 единиц); **религиозная принадлежность** (палуверцы – ‘представители финно-угорской народности, исповедующей православие; сету’: «Палуверцы – эта сетуки. Им дёцца некуда. Палуверцы далго с нашими мальцами ни дужыли. Печ.» [10]; старовёры – ‘представители старообрядчества, отвергающие унификацию православной веры’: «Ёта ни стравёры, а притварейники, ф сирёду, пятницу ни скаромьтсся. Кр.» [Там же]; кутейники – ‘прозвище жителей деревни, где есть действующая церковь’: «Так и называют кутейники: цэркаф была, йих называют турафские кутейники. Беж.» [16, вып. 16, с. 430]) (общее количество 7 единиц); **род занятий** (горшечники – ‘кто изготавливает и продает горшки’: «Гаршэшники гаршкы лёпят. Пушк.» [Там же, вып. 7, с. 136]; каланьшники – ‘прозвище жителей д. Извоз, где гнали дёготь’: «Стóлбушынских кутейниками завут, а мы – каланьшники, тут дёгть гнали. Н-Рж.» [Там же, вып. 13, с. 412]; лапотники – ‘кто делает лапти’: «Лапатник – лапти пляли, прадавали на рынках. Порх., Скьбары самые лаптьники. Кун.» [Там же, вып. 16, с. 501]) (общее количество 10 единиц); **традиционная пища** (ершееды – ‘прозвище осташевцев и псковичей’ [Там же, вып. 10, с. 134]; новгородская гуща – ‘прозвище новгородцев’ [Там же, вып. 8, с. 100]; мякинники – ‘прозвище жителей Псковской губернии’: «Нас мякинниками звали. Оп., Жители Псковской губернии получили название мякинников и ершеедов. Первое – от того, что употребляют пушной хлеб и неразвязны, последнее – от избытка ершей – рыбы, ловимой во множестве в реках и озерах» [Там же, вып. 19, с. 150]; скобская мякина – уничижительное ‘о бедных жителях Псковского края’: «Плук не была, бараны железной не была. Скапская мякина. Пушк.» [Там же, с. 149]) (общее количество 15 единиц); **особенности речи** (кувырканцы – ‘люди, мешающие в речи слова двух языков’: «Кувырканцы. Он скажи адно слова па-руски, другое па-латышски. Фёе их кувырканцам ляпили. Латышы здесь жыли. Руськии, а язык был памешана как-та. Остр.» [Там же, вып. 16, с. 319]; моркотуны – ‘прозвище жителей дер. Пекуниха, речь которых носит как бы скрытый, грудной оттенок, звуки образуются где-то глубоко в горле’, образованный

от глагола моркотать: «Они говорят, будто козы маркочут. Холм.» [Там же, вып. 18, с. 361]; кáвканы – ‘о людях, которые не владеют литературным языком’: «Кáвканы мы, язык ниправильный у нас. Пыт.» [Там же, вып. 13, с. 373]; чангáлы – ‘местные латыши, их называли так за то, что они смешивали русские и латышские слова’: «Чангáлы б́ыли тут – эта мёсныи латышы́. Пыт.» [10]; лопáи – ‘кто коверкает речь, говорит искаженно’: «Лопáи мы б́ыли, неп́равильно говор́или. Дн.» [16, вып. 17, с. 169]; цвикуны́ – ‘жители Себежского уезда Витебской губернии’ [4, с. 352-353]) (общее количество 15 единиц). В целом состав микроэтнонимов, выявленных в псковских говорах, составляет более 60 единиц. Ряд отдельных тематических групп микроэтнонимов может быть продолжен за счет нежесткости границ между смежными группами и выявления переходности случаев, которые обнаружены в ходе работы с диалектным материалом.

Мотивационный признак является первостепенным при распределении микроэтнонимов по выявленным группам. Естественным является то, что мотивация может лежать на поверхности или быть скрытой, в связи с этим возникает проблема отнесенности лексем к определенной тематической группе. Ю. И. Чайкина, изучавшая прозвища Белозерья, справедливо связывает проблему мотивированности/немотивированности коллективных наименований с внутренней формой слова, создающей образность и экспрессию [20].

Одновременно значимым становится рассмотрение взаимосвязи и взаимообусловленности между отдельными группами микроэтнонимов. В отличие от традиционных классификаций, основанных на логических параметрах выявления понятийного содержания лексемы, при распределении отдельных микроэтнонимов становится сложно установить четкую границу между такими тематическими группами, как: «род занятий» / «традиционная пища»; «национальная принадлежность» / «религиозная принадлежность» и др. Смежный, отчасти диффузный, характер групп «национальная принадлежность» / «религиозная принадлежность» очевиден в силу определения границ этнических сообществ разных уровней. Области пересечения других групп требуют обоснования, вытекающего из внутренней формы, в которой отражена одна из характеризующих черт субэтнуса, как правило, устоявшийся рацион питания микроэтнуса напрямую связан с промысловой деятельностью, особенности произношения отдельных звуков представителями микроэтнуса оцениваются как звукоподражательные, имеющие сходство со звуками, издаваемыми животными, птицами и т.д.

Таким образом, возникает ряд связанных между собой типологически близких друг другу микроэтнонимических групп. Выявление закономерных парадигматических связей, а также семантико-деривационный анализ коллективных наименований способствуют установлению более четкой принадлежности того или иного микроэтнонима к каждой из групп и определяют их место в современной диалектной лексико-семантической системе псковских говоров.

Этнонимический корпус языковых единиц, выявленных в псковских говорах, представляет собой этнонимическое поле этнономинаций, «объединенных общей семьей, которая содержит в себе этнический компонент. Лексические единицы этнонимического поля связаны между собой системными отношениями, характеризующимися наличием ядерно-периферийного положения по отношению к стержневому этническому компоненту» [5, с. 57]. По мнению Т. А. Сироткиной, ядро этнонимикона составляют «собственно этнонимы, а в околоядерном пространстве находятся различные виды отэтнонимных образований: субстантивы, адъективная, адвербиальная, глагольная лексика, этнопонимы, ксенономинативы и т.д.» [17, с. 34]. Микроэтнонимы, как и этнонимы в целом, занимают ядерную зону микроэтнонимического поля. Исследуемый микроэтнонимический материал псковских говоров позволяет выявить ряд определенных закономерностей в формировании семантико-деривационных связей микроэтнонимов, которые имеют черты сходства с семантико-деривационным полем этнонимов в целом.

Слово-микроэтноним (в исходной форме мн. числа) находится в ядерной зоне семантико-деривационной парадигмы. *Строение псковского микроэтнонимикона характеризуется признаками тождества полевой структуры этнонимикона. Общий состав компонентов полевой структуры микроэтнонимикона содержит оппозиции микроэтнонимических единиц: противопоставление форм единичности/множественности (собирательности), гендерная бинарность, наличие различных частеречных образований (субстантивы, адъективы, адвербиальные лексемы, глаголы), присутствие микроэтнопонима – все они занимают околоядерное пространство, составляющее центральную часть поля.*

Микроэтнонимический материал псковских говоров, представляющий собой, как правило, пласт архаической лексики, отражает различные историко-культурные процессы, которые происходили на данной территории. Свидетельства о прямых и не прямых контактах между этносами (субэтносами), а также анализ языковых данных позволяют обнаружить в псковских говорах черты сходства установленных в псковской диалектной речи связей слов-микроэтнонимов, образующих ряды бинарных оппозиций.

На примере двух ключевых для псковских говоров микроэтнонимов (полуверцы и ершееды) покажем проявление системной организации внутри микроэтнонимического поля.

Диалектные данные отражают деривационное варьирование общего наименования – «полуверцы» и «полуверуны»: «Палуверцы в гóрат хад́или. Печ., Вазóк хвай на́да купля́ть у пулуверцеф на растóпку к то́рфу. Печ., Че́рес болóта живу́т се́туки, а па-ру́ски палуверцы. Печ., И палуверцы е. Ани́ стра́шна ве́руют. Печ., Исто́нцы та́кии бла́ги, полуверуны́ то́жа. Печ.» [10].

В соответствии с гендерным признаком в систему встраивается лексема «полуверка»: «Б́ыла я́рманка, при-ду́мали нас сабира́ть. С ни́жнийи-та го́ры б́ыли, цыга́ны напада́ли. На я́рманках палуверки пака́зывались в бе́лых наря́дах. Печ., В нас круго́м фе́е палуверцы, в гаради́-та ря́дам сасе́т палуверку взял. Згуля́фшы, хад́ил на гуля́нье и сазнако́мились. Печ., На я́рмарках палуверки пака́зывались в бе́лых наря́дах. Печ., У де́да жо́нка б́ыла, палуверка, се́ту анна́. Печ.» [Там же].

Признак взрослый/невзрослый (в границах центральной части микроэтнонимического поля) представлен лексемой «полувернята»: «Двѣ-та срѣзали палувернята. Печ.» [Там же], – которая используется для номинации представителей, младших по возрасту, детей.

В диалектной речи зафиксирован микроэтнопоним «Полуверщина» в значении ‘район, где живут полуверцы, народность сету’: «Дачкú вѣдала зáмуш в Палуверщину. Печ.» [Там же]. Использование топонима, образованного с помощью суффикса *-щин-(а)*, свидетельствует о распространении рассматриваемого микроэтнонима, на основе которого сформировалось наименование территории компактного и обособленного проживания.

Периферийное положение занимает лексема «полуверский» в значении ‘относящийся к полуверцам, конкретно – о деревне, в которой живут полуверцы’: «Ф церкáф чаты́ри километра. Там кружна́, пады́льша, мосту́ нѣту, на́до правáе, палуверская Пѣрдафка, т́ута прýма. Печ.» [Там же].

В организации микроэтнонимического пространства отмечается также форма сравнительно-уподобительного наречия по-полуверски в значении ‘по-эстонски, на языке православных эстонцев’: «Бáтюшка и па-палуверски сл́ужбу вядѣ и па-ру́ськи. Печ., Яны́ па-палуверьски гаваря́. Печ.» [Там же].

Микроэтноним «полуверка» имеет ксенономинатив в значении ‘корова, купленная у эстонцев, исповедующих православие’: «Карóва нóнича фсѣ́ ўтра рычѣ́т, анá в мян́я палуверка, в естóнки кúплен, Ма́йвай звать. Печ.» [Там же].

Таким образом, сила мотивационного признака, отражающего единство вероисповедания при национальном и языковом различии, позволила активно функционировать в речи информантов микроэтнониму «полуверцы». Деривационные форманты, которые участвуют в образовании рассмотренных микроэтнонимаций, обладают высокой продуктивностью (ср.: этноним «чухонцы»: чухонец, чухонка/чухниха, чухнята; Чухонщина; чухонский; по-чухонски).

Характерным микроэтнонимом, используемым для наименования жителей Псковской земли, в котором культурно маркированным признаком является указание на традиционные особенности употребляемой пищи в крестьянской среде, является «ерше́ды».

Система питания псковичей представляет собой набор основных продуктов и типов блюд, которые адаптивно свойственны природной среде в зоне обитания микроэтносов. На территории Псковской земли находится множество водных объектов, главный из которых – Псковско-Чудской водоем, изобилующий разнообразной рыбой, в числе которой и повседневно употребляемой псковичами в пищу – ёрш.

Общерусское название рыбы «ёрш» – ‘небольшая пресноводная костистая рыба с колючими плавниками’ [16, вып. 10, с. 133] – чаще встречается в своих фонетических вариантах: ерѣш, ерѣш, еро́ш, ёрош. Употребляясь в мотивационных контекстах, слово позволяет выявить специфические и вкусовые особенности, негативные характеристики: «Ерѣш или ёрш – фсѣ́ равно́ как назовѣш. Стр., Нъзвѣаицѣ́ ярѣш, сѣры́й, касли́вый, а бульѣ́н фкúсный. Печ., О́кунь, ёрш, нали́м есь у о́зири. Вл., В нас в ря́ки только́ и есь-ть иро́ш дѣ горькúхъ. Пл., Зимóй ирышá лóвют. Гд.» [Там же]; «Ерѣш атличáйицца ат хахлóф, у явó пирó друго́йи, а цвет пѣтахáдшчы́й. Пск.» [Там же, вып. 26, с. 41].

Высказывания, включающие словообразовательные параллели с тождественной семантикой – ёрши́к (ерѣши́к), ершо́к, – дополняют описание свойств этой рыбы: «Мѣлкова ёршы́ка мы называем хóхлик. Стр., Са́мьи гла́внѣи ершкóф лави́ли. Яршо́к – ры́бъ калю́чъя. Печ., Всьямна́ццѣ́ дыр [прорубей] убашли́, а нет ни иряшкá. Печ., Ерешкí фсѣ́ вази́ли. Гд.» [Там же, вып. 10, с. 134-135].

Псковская диалектная речь сохраняет сведения о том, что ерша́ми называли жителей д. Залучье. Вл. [Там же, с. 133], словосочетание «ерши ра́диловские» используется для номинации жителей д. Радилово: «А ра́дилафских назывáли йершы́ ра́дилафскийе. Порх.» [10]. Неполнота сведений не позволяет определить, метонимия или метафора положена в основу данных наименований людей.

Микроэтнонимы с корнем *ерш-* в силу различных причин вступают в семантико-деривационные связи и образуют развитую систему номинаций. По наблюдениям К. В. Осиповой, через «кулинарный» код эксплицируются различные оппозиции [14, с. 96]. Материал русских народных говоров позволяет обнаружить микроэтнонимическое противопоставление по гендерному признаку: «ерше́д – ерше́дка (ершо́дка) – ‘прозвище жительниц города Белозерска Новгородской губернии’ Белозер., Тихв., Новг., Пск.» [18, вып. 9, с. 36].

Оппозиция по возрастному признаку, возможно, может быть представлена лексемой «ёрш» в переносном значении ‘о непоседливом ребенке’: «Дѣмкъ, ерѣш, ерѣши́ся. Гд., Ерѣш какой! Сош.» [16, вып. 10, с. 133], в СРНГ отмечается значение ‘о шаловливом, подвижном ребенке’: «Парень-то ерш, винт, на целом месте дыру проверит. Онеж.» [18, вып. 9, с. 36], однако, вероятнее всего, что в семантическом отношении мотивационным признаком является переносное значение, а не первичное.

Следовательно, этот ряд лексем образует центральную часть лексико-семантической системы в вершине с микроэтнонимом «ерше́ды», которая по обнаруженным признакам может быть рассмотрена элементом микроэтнонимического поля.

Связь микроэтнонима «ерше́ды» с другими дериватами, которые употребляются в диалектной речи, представлена субстантивной лексикой, используемой для номинации блюд, ремесленных приспособлений.

Поскольку крестьянский рацион не отличался разнообразием пищи, то ряд лексем для номинации ‘похлебки из толченых или молотых сушеных ершей на воде с ячменной крупой’ свидетельствует о постоянном присутствии этого блюда в еде псковичей: ерше́вица, ершовня́ (ершевня́), ерши́ца: «Ершэ́вица гатóвицца ис сухóй ры́бы ершá. Пск. + Остр., На ней [толоке] э́ли яршовно́, суп с яршэ́й. Сл.» [16, вып. 10, с. 134-135; 18, вып. 9, с. 37].

Субстантив «ершемёлка» используется для номинации приспособления для размалывания сушеных ершей: «Яршэй на яршымёлки мелют. Печ.» [16, вып. 10, с. 134].

Диалектная речь сохраняет ряд лексем с корнем *ери-*, которые называют различного рода промысловые приспособления, позволяющие ловить ершей: ершóвик, ершóвка – ‘невод для летней ловли ершей’: «Яршóфкай и укунэй ловим. Себ., Яшшó яршóвик был, спяцáльна яршóф лавíли; в ýим дéлаицца такáя жа карма, как в нéвади, а крýлья тóльки три сажэни, на канцы такíи шóрки, сётки, как мяшóк, к абóим крылám, а ат кáждой шóрки вярóўка мéтраф двéсти, а к ней сётки рвáный привязываюцца, прóста тряпки; он биз үрузил сáдицца, навярхú нямнóуа бярэставых плафкóфесь. Себ.» [Там же, с. 134-135]; ершóвица – ‘частая ставная сетка для ловли ершей’ [Там же, с. 134]; ершóвик, ершовичóк – ‘вид сети с мелкими ячейками для ловли ершей’: «Ершовиком только летом ловят, ловят двое, одному нельзя. Мош., Жгули – старые сети, привязаны к ершовику мочалой, верёвкой перехвачено. Хв.» [13, с. 210, 245]; ёрша, ершóвка – ‘род рыболовного снаряда для ловли ершей’ [18, вып. 9, с. 36-37].

Развитая система названий различных приспособлений, используемых для ловли мелкой рыбы – ершей и других видов, – подчеркивает важность и значимость этого промысла для псковичей, так как другого источника дохода в силу отсутствия крупной промышленности на Псковщине не было.

В целом ряде случаев в диалектной речи активно используется адъектив «ершево́й (ершóвый)», употребляемый в различных сочетаниях, в значении ‘предназначенный для ершей, для их ловли’: «Есть мерéшки такíе чáстые, иршавые, спицáльна тóльк на яршá выкладáют. Пск., Ершóвые корзíны – в них помещали сушеных ершей, Ершóвы мярэжы. Печ.» [16, вып. 10, с. 135], ершóвый вандыш – ‘сорт сухой рыбы: крупный ерш прошлогоднего и более раннего лова’; ершóвый ветер – ‘северный ветер’; ершóвая мережа – ‘ставная сеть с мелкой ячейкой для лова ершей’ [18, вып. 9, с. 37].

Отмечаются устойчивые сочетания с негативной семантикой, значение которых связано с гибелью: пойтí в ершóвый монастырь (намóстырь) – ‘утонуть’; в ершовом монастыре (будешь) – ‘утонешь’: «Как уздынет, так вьшэ дóма в меня так и захаладáла, ну, б́удеш в ершóвом монастырэ, ладью перекинуло. Гд.» [16, вып. 10, с. 135]; ушел в ершóву слободу – ‘утонул’ [18, вып. 9, с. 37].

Яркими внешними признаками и особенностями образа жизни в водоемах этого вида рыбы являются: подвижность, стайность, колючесть. Они смогли отразиться в номинациях разных классов слов с корнем *ери-* в прямом и переносном значении: ершíстый – ‘подвижный, непоседливый’: «Я фсягдá такáя ярш́ыстая, ня магу на мéсте сидеть. Пск.»; ерш́иться – ‘делаться колючим, выпуская плавники’: «[Ерш] ярш́ыцца, игóлки пúсьти, ён касьлívый. Оп.», переносное значение ‘задираться, спорить’ Оп.; ‘подниматься, топорщиться’: «Амéтя длíнные, пáлки на капнэ и на адэньях, штóбы сэна не ерóшылась. Остр.»; ‘сидеть беспокóйно, вертеться, ерзать’: «Сидí, сидí, не ёрш́ыся. Пск., Смóтри, ни ерэшься, нош острый. Гд., Димкь, ерэш, ерэшышся. Гд., Витáлик, скамéйку сламáеш, чавó ты здесь ярóшышся. Беж., Кóшка, чевó ты ерш́ыся там, не сидíш спокóйно. Дн.» [16, вып. 10, с. 134].

Как показывает материал псковских говоров, мотивационный признак, лежащий в основе микроэтнонима «ершеёды», определяет активность, устойчивость и избирательность в употреблении этого вида пищи, развитость промысловой деятельности, а также занимает сферу эмоционального поведения (непоседливость, задиристость, упрямство), характерного для представителей рассматриваемого субэтноса.

Таким образом, наблюдения относительно места микроэтнонимов в диалектной лексико-семантической системе позволяют сделать вывод, что микроэтноним занимает центральное место, являясь единицей этномаркированной лексики в псковской диалектной речи, которая фиксирует отношение представителей этнокультурного сообщества к самим себе и к представителям других микроэтносов. Установленные семантико-деривационные связи слов-микроэтнонимов находят свое отражение в лингвистической и этнической характеристике субэтносов.

Рассмотрев состав тематических групп микроэтнонимов, можно сделать вывод о сохранности в псковских говорах одного из наиболее архаичных пластов лексики. Сама тематическая организация отражает актуальные с точки зрения народного мировосприятия признаки наименования. Причем сами эти признаки в ряде случаев имеют диффузный характер, что не позволяет иногда провести границу между группами и определить их количество (6 или 7).

На примере анализа двух микроэтнонимов (полуверцы, ершеёды) из разных тематических групп («религиозная принадлежность», «традиционная пища») выявлены структурные элементы ядро-периферийной организации сложившегося исторически псковского микроэтнонимикона в целом. Обнаруженные лакуны в системе отдельных семантико-деривационных образований микроэтнонимов (например, отсутствие лексем «полуверец») в противоположность другим (чухóнец, латвиец, литóвец и др.) не свидетельствуют категорически о существовании «недостающих» фрагментов микроэтнонимического поля в говоре. Неполная внутренняя парадигма других микроэтнонимов (ершеёды – ершеед – ершеедка) компенсируется деривационными и семантическими связями корневого слова (ёрш – ерэш, ерэш, ерóш, ёрош) в диалектной лексико-семантической системе, что указывает на неслучайность самого этнонимического признака.

Ядро-периферийные отношения в структуре микроэтнонимикона позволяют рассматривать микроэтнонимы как полевую структуру. Продуктивность реализации общих моделей слов-микроэтнонимов (единицы, называющие собственно группы людей; слова, указывающие на дифференциацию по гендерному признаку; лексемы, номинирующие представителей, младших по возрасту, а также номинацию ареала проживания этноса или субэтноса) позволила выявить черты сходства и тождества со структурой псковского этнонимикона в целом.

Специфика номинаций может проявляться в использовании деривационных средств, усиливающих коннотацию (например, полуверуны, ср.: болтун, едун, крикун и под.). При общей сохранности в псковских говорах самих микроэтнонимов различие проявляется в глубине стандартно устроенного деривационного гнезда.

Микроэтнонимический корпус языковых единиц характеризуется экстралингвистическими факторами, которые отражают не только реалии и предметы домашнего обихода и промысловой деятельности, но и условия проживания и расселения субэтносов (близость к водоемам), а также влияют на формирование крестьянского мировосприятия в целом.

Список сокращений районов Псковской области (в соответствии с сокращениями в ПОС)

Беж. – Бежаницкий район, Вл. – Великолукский район, Гд. – Гдовский район, Дн. – Дновский район, Кр. – Красногородский район, Кун. – Куньинский район, Н-Рж. – Новоржевский район, Оп. – Опочечский район, Остр. – Островский район, Печ. – Печорский район, Пл. – Плюсский район, Порх. – Порховский район, Пск. – Псковский район, Пушк. – Пушкиногорский район, Пыт. – Пыталовский район, Себ. – Себежский район, Сл. – Славковский район, Сош. – Сошихинский район, Стр. – Стругокрасненский район, Холм. – Холмский район.

Список сокращений географических названий (в соответствии с сокращениями в НОС)

Мош. – Мошенской, Хв. – Хвойнинский.

Список административных и иных географических названий, а также их сокращений (в соответствии с сокращениями в СРНГ)

Белозер. – Белозерский уезд Новгородской губернии, Кириш. – Киришский район Ленинградской области, Новг. – Новгородская губерния (область), Тихв. – Тихвинский уезд Новгородской губернии, Онеж. – Онежский район Карельской ССР, Пск. – Псковская губерния (область).

Список источников

1. **Березович Е. Л.** Семантическое своеобразие прозвищ жителей Русского Севера // Проблемы региональной русской филологии: тезисы докладов и сообщений (г. Вологда, 12-13 мая 1995) / отв. ред. к.ф.н. Е. П. Андреева; Вологодский государственный педагогический институт. Вологда: Русь, 1995. С. 111-113.
2. **Берёзкина Е. С.** Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве: автореф. дисс. ... к. филол. н. Орел, 2001. 17 с.
3. **Воронцова Ю. Б.** Коллективные прозвища в русских говорах: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2002. 21 с.
4. **Воронцова Ю. Б.** Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-Пресс Книга, 2011. 448 с.
5. **Григорьева Н. Е.** Семантико-деривационное поле псковского этнонимикона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 1. С. 57-61.
6. **Данилина Е. Ф.** Прозвища в современном русском языке // Восточно-славянская ономастика: материалы и исследования / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1979. С. 281-297.
7. **Дранникова Н. В.** Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Поморский университет, 2004. 432 с.
8. **Журавлев А. Ф.** Этнография в прозвищах // Русская речь. 1984. № 3. С. 116-123.
9. **Зеленин Д. К.** Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1903 гг. М.: Индрик, 1994. С. 306-315.
10. **Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (КПОС)** (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете имени профессора Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета).
11. **Кобозева И. М.** Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102-116.
12. **Никонов В. А.** Этнонимия // Этнонимы: сб. статей / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 5-33.
13. **Новгородский областной словарь (НОС)** / Институт лингвистических исследований Российской академии наук; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. Вып. XXVII. 1435 с.
14. **Осипова К. В.** Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87-109.
15. **Попова Э. Ю.** Этнонимия Русского Севера: автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 1999. 18 с.
16. **Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС)** / под ред. Б. А. Ларина и др. Л. – СПб.: ЛГУ; СПбГУ, 1967-2017. Вып. 1-27.
17. **Сироткина Т. А.** Региональный этнонимикон как полевая структура // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 4. С. 33-38.
18. **Словарь русских народных говоров (СРНГ)**. М. – Л. – СПб.: Наука, 1965-2016. Вып. 1-49.
19. **Ухмылина Е. В.** Названия и прозвища русского населения Горьковской области // Этнонимы: сб. статей / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 254-263.
20. **Чайкина Ю. И.** О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1969. № 3 (51). С. 104-109.
21. **Чайко Т. Н.** О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) // Вопросы топониматики / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1971. Вып. 5. С. 150-153.

**MICRO-ETHNONYMS IN PSKOV DIALECTS
AS REPRESENTATION OF CULTURAL AND HISTORICAL FACTORS
OF PEASANT MENTALITY**

Grigor'eva Nataliya Evgen'evna

Pskov State University

etnonim@yandex.ru

The article considers the problem of micro-ethnonyms in the dialectal lexico-semantic system. Analyzing Pskov dialects, the author identifies the thematic structure of micro-ethnonyms. The paper analyzes the semantic and derivational peculiarities of micro-ethnonyms, ascertains the principles of identity in the systemic organization of the ethnonyms discovered in Pskov dialectal speech. Special attention is paid to the factor of the border location of Pskov region and the cultural and historical relations of micro-ethnoses in the sphere of material and spiritual culture.

Key words and phrases: micro-ethnonym; thematic groups of micro-ethnonyms; semantic and derivational relations of micro-ethnonyms; Pskov micro-ethnonymicon; Pskov dialects.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 11.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.31>

Прецедентные высказывания, являясь объектом лингвокультурного описания, исследуются на основе региональных текстов в новом ракурсе – как единицы, репрезентирующие культурные смыслы. В качестве цели статьи авторы видят выявление специфики функционирования прецедентных высказываний, которая заключается в их потенциальной возможности актуализировать значимые культурные доминанты. Полученные результаты показали, что прецедентные высказывания представляют собой необходимый элемент смысловой структуры текста, так как отражают сопряжение культурных доминант, помогают определить прагматические интенции автора и понять замысел текста.

Ключевые слова и фразы: прецедентность; прецедентный феномен; прецедентное высказывание; поэтический текст; семейные родословные.

Левина Элла Михайловна, к. филол. н., доцент

Якимова Екатерина Михайловна, к. филол. н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

elevina@rambler.ru; chernikova@bsu.edu.ru

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК АКТУАЛИЗАТОРЫ КУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ И СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ)**

В современной лингвистике исследование прецедентных феноменов является довольно продуктивным, о чём свидетельствует и количество исследований, и разнообразие аспектов изучения, и характер анализируемого языкового материала (СМИ, поэтические тексты, разговорная речь).

В лингвистической литературе отмечалось, что прецедентные высказывания (далее – ПВ) имеют потенциал для репрезентации культурных доминант. Так, В. И. Карасик пишет, что «собственно лингвистическое исследование культурных доминант осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, а также прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов, текстов художественной литературы, газет и т.д., с одной стороны, и интервьюирование носителей языка, разработка анкет, включающих различные оценочные суждения, связанные с определенными предметными областями, с другой стороны)» [8, с. 169]. Принимая во внимание приведённые выше предпосылки, отметим необходимость использования в качестве материала для исследования 1) поэтических текстов, составляющих современное региональное творчество Белгородчины, и 2) семейных родословных, которые представляют собой «устные и письменные тексты, посвященные истории собственной семьи, существующие внутри семьи и бережно передающиеся из поколения в поколение в виде рассказов, фрагментов бесед, текстов магнитофонных записей» [16, с. 5].

На наш взгляд, сравнительное исследование прецедентных феноменов, функционирующих в различных дискурсах (однако объединённых региональной основой), также можно считать **актуальным**, поскольку анализ прецедентных феноменов на пересечении таких личностных текстов, как рассказы о семье и поэтическое творчество, позволяет установить значимые для языковой личности культурные доминанты.

Научная новизна заключается в том, что, несмотря на исследовательский интерес к региональному языковому материалу, на основе совокупности указанных языковых источников явления прецедентности не рассматривались как актуализаторы культурных доминант.

Цель исследования – выявить специфику функционирования ПВ в поэтическом и родословном дискурсах на основе регионального языкового материала. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: